

ОТЗЫВ
 официального оппонента Маслюженко Дениса Николаевича
 на диссертацию Черновой Татьяны Анатольевны
 «Российское государство и Башкирский край: эволюция отношений и проблемы взаимодействий (середина XVI – середина XVIII вв.)»,
 представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук
 по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Россия в качестве многонационального и полирелигиозного государства начала формироваться в XV веке. Однако, значительную роль в этом процессе сыграла борьба за присоединение различных территорий т.н. «постордынского мира», пик которой приходится на XVI в., что в последующие два столетия потребовало выработки многообразных механизмов адаптации населения к условиям проживания в едином пространстве Российского государства. В современном мире, где на фоне глобализма активно развиваются культурная мозаичность и фрагментарность, приводящие к межэтническим и межрелигиозным конфликтам, важным становится выяснение не только исторических истоков подобных явлений, но и возможностей выработки более или менее стablyно действующих механизмов совместного проживания и освоения территорий. Вполне очевидно, что в свете этих рассуждений представленная тема диссертации имеет несомненную научную и общественно-политическую актуальность и значимость.

Введение диссертации имеет все необходимые структурные элементы, описанные с необходимой степенью достаточности. Структура работы подчинена реализации заявленной цели, она представляется вполне логичной и способствует решению поставленных задач. Исследование состоит из введения, шести глав, заключения, списка источников и литературы и приложения. Не вызывает сомнений формулировка предмета диссертационного исследования.

Довольно обстоятелен историографический анализ исследуемой темы. Убедительно выглядит разделение историографии проблемы на три периода – дореволюционный, советский (с выделением довоенного и послевоенного этапов) и современный. Отдельный анализ предложен и для крайне немногочисленной зарубежной историографии.

Совершенно справедливо автор диссертации определяет то, что основой проблемой историографии, особенно первого периода, были именно вопросы вхождения башкирских родов в состав Русского государства, хотя при этом не уделялось внимание истории башкирских восстаний. Причем не менее справедливо отмечается особая роль в качестве основоположника дореволюционной историографии истории Башкирии Сибири П.И.Рычкова. Т.А.Чернова в дальнейшем отмечает основных исследователей истории Башкирии, дает четкую оценку их вклада в развитие исторических представлений о башкирских племенах накануне и в период вхождения в состав Российской государства. Не вызывает сомнений общий вывод автора о том, что «положительной стороной работ дореволюционных авторов является то, что они ввели в научный оборот значительный архивный материал...», но «в целом анализа русско-башкирских отношений, их изменений с течением времени дореволюционными историками дано не было, проблематика

сводилась к конкретным событиям, причем в подавляющем большинстве причины конфликтов упрощались...» (с. 14-15).

В разделе, посвященном советскому периоду развития историографии, Т.А.Чернова упомянула всех основных исследователей данной проблемы, уделив особое внимание анализу работ признанных классиков советской исторической и этнографической науки А.Н.Усманову, Н.В.Устюгову и Р.Г.Кузееву. Действительно, при большом внимание к реконструкции исторической фактологии, особенно в отношении башкирских восстаний, определяющим в это время было следование формационному подходу, что привело и к преувеличению значимости социально-экономических процессов и выходу на первое место идеи мирного включения башкирских племен в состав Российской государства.

В конце XX века, по мнению автора, «была сформулирована идея о добровольно-принудительном присоединении Башкирского края к России» (с.22). При этом в современных работах в большей степени стараются выявить новые аспекты проблемы, более последовательно проанализировать развитие русско-башкирских отношений, стремятся внедрить новые концепции «чифдома» и «безгосударственных политий» (Б.А.Азнабаев). Однако, значительной проблемой, особенно региональной историографии, остается повторение авторами выводов предшествующих лет с использованием методологии и терминологии советской исторической школы (с.24).

Весьма обстоятелен и аргументирован методологический раздел введения. Вполне можно согласиться с автором в необходимости использования цивилизационного и центр-периферийного подходов, а также идей фронтирной модернизации при изучении именно особенностей русско-башкирских отношений. Четко и обстоятельно Т.А.Чернова перечисляет принципы и конкретно-исторические методы исследования, использованные в работе.

Обширна и вполне репрезентативна источниковая база диссертационного исследования. Типологический и видовой состав источников довольно многообразен, что создает возможность достижения поставленных цели и задач исследования.

Первая глава «Ранняя история башкир (Х-ХIV вв.): вырабатывание вектора внешней политики» и особенно раздел 1.1 «Внешнеполитические принципы башкирских племен в булгарский и золотоордынский периоды», как отмечает сам автор, посвящены формированию политических взглядов башкирских племен в булгарский и ордынский период их истории (с.45-57). В разделе 1.2 «Подданичество как внешнеполитическая традиция башкирских племен» характеризуются концепция подданичества с теоретической точки зрения, а также процесс ее формирования у башкир (с.57-61). Данное понятие чрезвычайно важно для всей дальнейшей работы Т.А.Черновой, поскольку именно в рамках предложенного концепта автор рассматривает особенности русско-башкирских отношений.

Вторая глава «Присоединение башкирских родов к Московскому государству» посвящена причинам принятия башкирами московского подданства, продолжительности этого процесса и особенностям присоединения северо-восточных башкир. В разделе 2.1 «Процесс принятия северо-западными, юго-западными и юго-восточными башкирами российского подданства» реконструирован конкретный ход исторического процесса вхождения указанных племен в состав Московского

государства (с.62-79). В разделе 2.2 «Условия принятия башкирскими племенами российского подданства» анализируются конкретные условия, на которых башкиры входят в состав Московского государства. Понимание их перечня и особенностей юридической фиксации чрезвычайно важно для понимания дальнейших башкирских восстаний (с.79-93). Раздел 2.3 «Присоединение северо-восточных башкир» показывает отличительные черты признания этой группой московского подданства, а также влияние этой специфики на дальнейшие процессы адаптации населения к новым политическим условиям (с.93-104).

В третьей главе «Проблемы русско-башкирских взаимоотношений в XVII-начале XVIII вв.» рассмотрены особенности изменения политики Российского государства в отношении Башкирии, в том числе в вопросах вероисповедания. Исходя из этого глава разделена на два раздела «Изменения политики России по отношению к башкирам», где в большей степени анализируются социально-экономические и политические вопросы, и «Религиозная политика конца XVI-начала XVIII вв.» (с.105-142). Немаловажны попытки Т.А.Черновой уже здесь показать необходимость анализа некоторых черт менталитета башкир как фактора накопления противоречий с русской властью.

Четвертая глава «Восстания башкирских племен (вторая половина XVII-начало XVIII вв. Общие и особенные черты» посвящена ходу и причинам конкретных восстаний как реакции населения на попытки пересмотра условий вхождения в состав Московского государства и различия в их восприятии в центре и на периферии. В целом автор справедливо здесь и далее обращает внимание на необходимость анализа мировоззрения башкир, в том числе длительном сохранении в нем традиционных черт. Отдельно выделяются восстания второй половины XVII века (раздел 4.1, с.143-161) и 1704-1711 гг. (раздел 4.2, с.161-172).

В пятой главе «Формирование нового курса взаимоотношений Российской империи с башкирами (30-е гг. XVIII в.)» рассматриваются принципиальные изменения в системе русско-башкирских отношений в указанное время. Они вполне резонно разбиты на два раздела. Раздел 5.1 посвящён вопросам промышленного освоения Урала как нового фактора в рассматриваемых отношениях и в рамках тенденций фронтальной модернизации (с.173-180). В разделе 5.2 проанализированы деятельность Оренбургской экспедиции в связи с башкирским восстанием 1735-1740 гг. (с.180-240). Здесь автор особенно обращает внимание на смещение центра восстания с северо-восточных Зауральских племен на более рано и мирно принявшие подданство племена приуральской Башкирии, которые в силу новых имперских тенденций теряли гораздо большое число льгот (с.195), а также на участившиеся тенденции стравливания башкирских племен и родов друг с другом (с.213). Весьма интересен для дальнейшего изучения темы и локальный опыт сравнения доклада И.С.Арсеньева и сказки абыза Т.Ибраимова об одном и том же бое с позиций выявления различий в восприятии одних и тех же событий разными сторонами восстания (с.214-220). В целом эта глава выявила все наиболее значительные изменения в ранее выработанных трендах русско-башкирских отношений, связанных именно с формированием Российской империи.

В шестой главе «Реализация новой государственной политики в отношении башкирских подданных (30-50 гг. XVIII в.)» проанализированы особенности этой политики и новые методы реагирования властей на недовольство местного насе-

ления. Особенное внимание уделено религиозной политике государства в 1730-1740-е гг., которая напрямую затронула интересы башкир-мусульман (раздел 6.1, с.240-255), а также особенности организации и подавления восстания 1755-1756 гг. (раздел 6.2, с.255-287). Весьма любопытен, в том числе в силу наметившегося явного преувеличения этой тенденции в национальной историографии, авторский анализ в разделе 6.1 конкретных случаев и причин сожжений башкир-вероотступников (с.243-248). Не менее значим и разбор последствий христианизации башкир и причин их перехода в новую веру в 1730-1740-е гг. (с.254-255). В разделе 6.2 обращает на себя внимание крайне доскональный анализ деятельности муллы Абдуллы Алиева (Батырши), поскольку вопреки сложившейся историографии Т.А.Чернова вполне справедливо отказывает ему в руководстве восстанием (с.262-273). Т.А.Чернова обращает внимание и на участившееся стремление правительства сталкивать башкир с иными тюркскими коллективами, особенно с казахами (с.274-276).

В заключении приведены основные результаты исследования и сформулированы общие выводы диссертации.

Проблема, избранная для изучения, получила достаточное полное исследование, что в конечном итоге позволило автору сделать обоснованные, достоверные, самостоятельные обобщения и выводы, выработать оригинальную концепцию. В целом, задачи, сформулированные автором, успешно решены. Т.А.Чернова подготовила интересное и самостоятельное исследование. Диссидентом предпринята попытка решения серьезной научной проблемы, имеющей важное теоретическое и практическое значение.

Наряду с бесспорно доказанными и новаторскими положениями в диссертации имеются и некоторые недостатки:

1. Хронологические рамки исследования, по вполне обоснованному мнению автора, охватывают период с середины XVI до середины XVIII в. (с.7). Однако, в таком случае абсолютно не ясно и не аргументировано место в структуре работы главы 1, посвященной процессам X-XIV вв., а также первая задача исследования на с.30. При этом возникает значительная хронологическая лакуна в исследовании в период XV – первой половины XVI вв., которая никак не может быть заменена чрезвычайно кратким анализом в начале главы 2. Именно тогда башкирские племена были тесно связаны с процессами в Ногайской Орде, Казанском и Тюменском (Сибирском) ханствах. Нахождение в составе этих постордынских государств оказало прямое влияние на дальнейшие процессы. Этот пробел тем более критичен по той причине, что автор солидаризируется с Р.Г.Кузеевым в рассмотрении последнего этапа как завершающей стадии формирования башкирской народности (с.45). Однако, в таком случае Т.А.Черновой стоило бы аргументировать данную позицию, поскольку даже общего этнонима «башкир» в указанное время к тюркским племенам именно по обеим сторонам Урала не применяется. Это начинает происходить не ранее середины XVII века, причем только в источниках, связанных с русской традицией, а самое главное зависело не от самосознания членов этих коллективов, а от административного деления Российского государства. Например, еще Г.Ф.Миллер отмечал, что жители Катайской волости еще в XVII веке именовались «китайскими татарами» и не причислялись к башкирским волостям, тоже самое касается представителей сынрян, табын и мякотин (с.93-94).

Видимо, осознавая недочеты первой главы, автор даже не представила ее итоги в общем заключении к диссертации.

2. Автор диссертации использует понятие «Исторический Башкортостан» для обоснования территориальных рамок исследования (с.8). Однако, это понятие существует только в традициях башкирской исторической науки, которая крайне расширенно понимает саму территорию расположения башкир, в том числе и в угоду некоторым этнокультурным и этнополитическим спорам между татарскими и башкирскими историками. Оно неизвестно в источниках, перекрываясь различными территориально-политическими образованиями, и неоправданно, например, для эпохи позднего средневековья, когда т.н. «северо-восточные башкиры» вообще не назывались башкирами. Автор не обратила внимание, что в цитируемом на с.10 «Духовном завещании» Ивана Грозного 1572 г. название территории «башкирда» не может быть применено к зауральским землям. Более логичным и вполне оправданным с точки зрения текста диссертации говорить о взаимодействии Российского государства с башкирскими племенами.

3. На наш взгляд, введя первую главу, автор не смогла разобраться в сложных вопросах соотношения на рассматриваемой территории этногенеза венгров и башкир (с.9, 45 и далее), изучение которых имеет свою историографическую традицию, вновь вышедшую на первое место в свете новых переводов средневековых европейских и арабских источников Р.Хауталой и В.С.Кулешовым. Они вновь поднимают вопрос о реальной локализации башкир и венгров. Во многом Т.А.Чернова следует традиции, заложенной Р.Г.Кузеевым, в которой и были сформулированы основные идеи некоего этнокультурного единства башкирского народа. Еще большая проблема этой главы заключается в том, что у нас вообще нет реальных источников о системе взаимоотношений башкир с Волжской Булгарией и почти нет об отношениях с Монгольской империей и Улусом Джучи. Автор здесь опирается лишь на очень условно существующую логику исторических процессов, историографическую традицию и на отдельные оговорки в шежере башкирских племен, которым автор, как и некоторые башкирские исследователи, излишне доверяет, хотя они долгое время ходили только в устном виде и в массе своей были записаны только в конце XIX - начале XX вв. На этом основании делать вывод, например, о «неоспоримости» того, что земли башкирских племен находились под протекцией булгар, просто не корректно (с.48). Еще более сложный вопрос заключается в реально колossalной мозаичности формирования тех племен, которые в историографии именуются башкирскими. Например, известный Майкы-бий (с.53) рассматривается как один из працедителей большого северо-восточного племена табын, хотя в источнике вполне верно назван уйшином, то есть представителем тюркского племени не только периода формирования Монгольской империи, но и именно монгольских степей. Этот пример еще раз показывает гораздо большую сложность как вообще материалов первой главы, так и самих процессов этногенеза современных башкир. Реально автору нужна была первая глава только для обоснования значительной древности идеи подданства у башкир, хотя более реально было ее искать именно в процессах ордынского и постордынского времени, которые, как мы уже отмечали, были во многом упущены Т.А.Черновой.

4. Т.А.Чернова использует не всегда оправданную терминологию и неточно формулирует некоторые идеи, что приводит к их возможному неверному толкованию. Это касается модернизации самого использования этнонима «башкир» и тем более «башкирского народа» (с.108) или неких «сибирских башкир» в отношении представителей конкретных племен, не анализируя при этом конкретный процесс формирования и принятия единого этнонима. Как синонимы в отношении башкирских коллективов используются понятия «племя» и «род» (например, с.7, название раздела 1.1 и главы 2), хотя в сложившейся с советского времени традиции последние рассматриваются как части первых, что вполне заметно по башкирским коллективам. Справедливо критикуя некоторые тренды советской историографии, автор пишет о феодальной верхушке (с.81), башкирских феодалах (с.105, 197) и феодалах-мусульманах (с.125), хотя версия феодализма у кочевых и полукочевых народов уже неоднократно подвергалась критикой, например, в работах Н.Н.Крадина. Еще более странным для XVIII века называть феодальными, а не государственными, повинностями участие башкир в строительстве крепостей или военную службу (с.256). Т.А.Чернова постоянно называет Ногайскую Орды ханством (например, с.56, 65), хотя в литературе по постордынскому миру, в частности в исследованиях В.В.Трепавлова, указывается как раз на специфику этой политии, которой правили потомки бия Едигея. Т.н. «ногайские ханы», которые упоминаются в шежере, например хан Турэ Баба Туклес или Бусан-хан (с.67, 68), являются либо полностью вымышленными, либо же формируются в устной традиции из разных исторических фигур разного времени. Сибирское, хотя более верно Тюменское ханство, относится автором к концу XV века (с.56, 93), хотя и было основано в 1420-е гг. На с.83 автор пишет об отсутствии религиозных реформ при Чингисхане, но при этом абсолютно забывает о довольно массовой исламизации кочевой аристократии при золотоордынском хане Узбеке. На с.89-90 автор сравнивает данные о ясачных выплатах из столь разных источников как шежере и делопроизводственные источники, причем применяет здесь на равных налогообложение башкир, тунгусов или вогулов, не учитывая региональные особенности. Число подобных неточностей можно значительно увеличить.

5. При анализе современной историографии автор практически полностью упустила работы В.В.Трепавлова (г.Москва), В.Д.Пузанова (г.Шадринск), Г.Х.Самигулова (г.Челябинск), Ю.М.Юсупова (г.Уфа) и отчасти автора этого отзыва, что значительно обеднило анализ истории изучения темы и не позволило автору актуализировать свои исследования не только по северо-восточным «башкирам» в частности, но и по башкирам и даже вопросу восприятия российского подданства у кочевников в целом. Полностью отсутствует анализ современной исследовательской литературы, посвященной потомкам хана Кучума, то есть т.н. Кучумовичам, в том числе и в контексте их участия в башкирских восстаниях. При этом все эти работы вполне доступны в сети Интернет на сайте Российского индекса научного цитирования https://elibrary.ru/project_risc.asp.

6. В разделе 2.3 о присоединении северо-восточных башкир автор, будучи не знаком с современной (не-башкирской) историографической традицией, произвел подмену анализа конкретных источников, которые были известны еще Г.Ф.Миллеру и значительно расширены уже указанными выше авторами за счет документов из РГАДА, на пересказ историографических трендов. При этом без

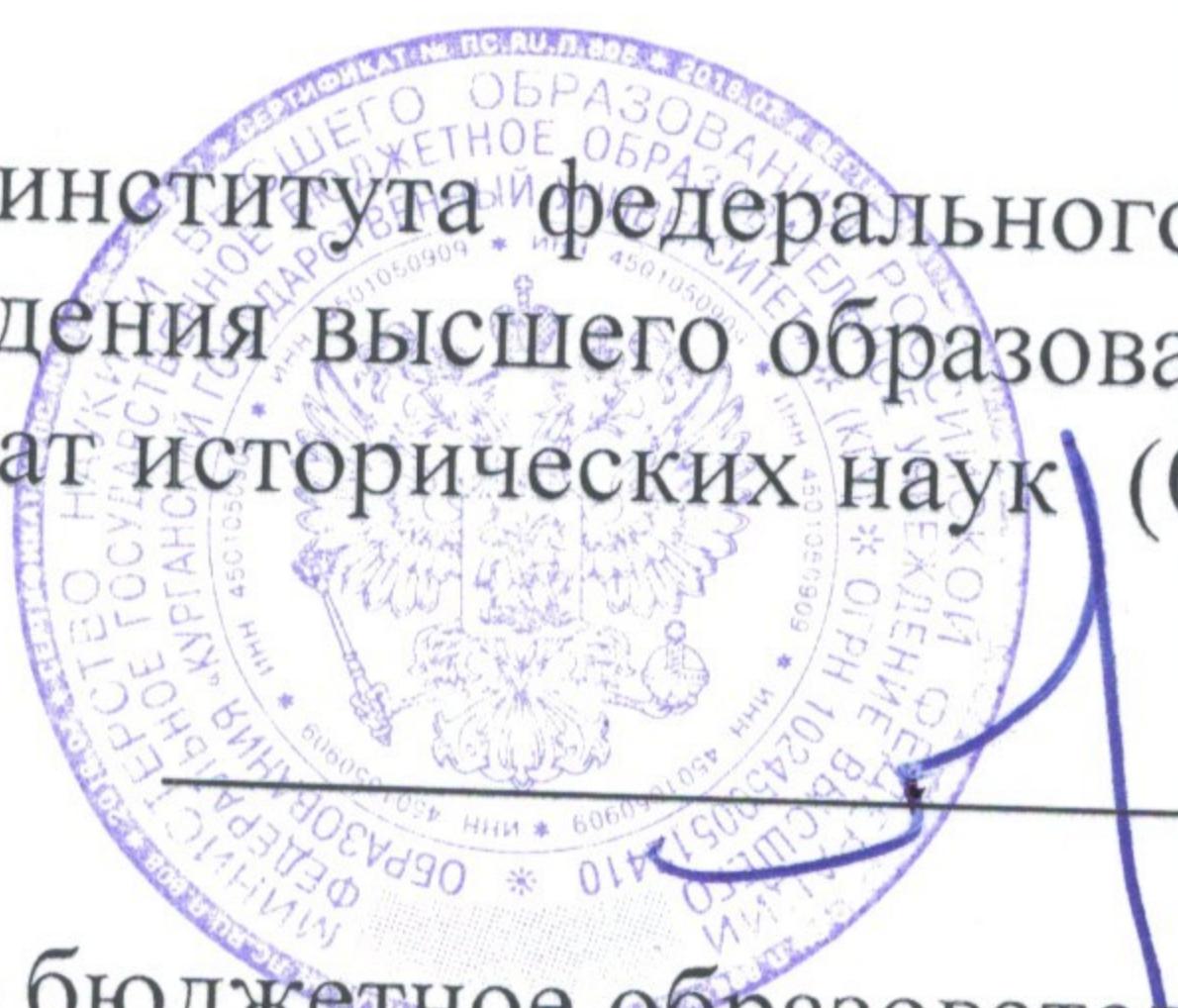
какого-либо обоснования, Т.А.Чернова пошла по пути анализа Ведомостей кантональных начальников середины XIX века для выделения добровольно присоединившихся волостей. Автор не учел возможность разной трактовки понятия «пропущенники» в документах разного времени и происхождения, как это было сделано Г.Х.Самигулловым. Абсолютно не доказано то, что 34 % башкирских деревень было присоединено Ермаком (с.95), чего в принципе быть не могло с учетом известного маршрута похода этого атамана. Мишень о пребывании Ермака на разных территориях Западной Сибири популярна у разных этнических групп и современных туроператоров, героизирует прошлое, но от этого не перестает быть мифом. Нет никакого основания в источниках связывать катайцев и салжаутов с представителями сибирской княжеской династии Тайбугидов (с.97), а тем более писать о некоей гражданской (!) войне салжаутов с табынцами и сынрянцами (с.103).

7. Раздел 3.2. посвящен религиозной политике конца XVI- первой половины XVIII вв. При всей его значимости и хорошей авторской проработке конкретных документов возникает одна существенная проблема: у нас нет понимания того, как именно эта политика затронула «башкир» и оказала влияние на дальнейшие события. Большинство примеров, кроме указанных на с.113, 139, касаются населения бывшего Казанского ханства, причем в основном татар, или же в целом всего Российского государства. Автор еще и идеализирует религиозную политику Петра I (с.135), хотя именно при нем начинается активная миссионерская деятельность в Сибири Филофея Лещинского, которого в том числе упрекали в насилиственных методах христианизации. Таким образом, этот раздел, как и рассмотренная выше глава 1, лишь косвенно затрагивает тему диссертации.

Однако в целом, высказанные замечания не могут изменить общей положительной оценки оппонируемой работы. Представленное к защите исследование отличается высоким научным уровнем. Публикации отражают основные идеи сочинения. Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации.

Диссертация Т.А.Черновой «Российское государство и Башкирский край: эволюция отношений и проблемы взаимодействий (середина XVI - середина XVIII вв.)» соответствует п. 9 «Положения о присуждении учёных степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842 (с изменениями от 21 апреля 2016 г. № 335), предъявляемым к кандидатским диссертациям, а её автор заслуживает присуждения искомой учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

директор Гуманитарного института федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Курганский государственный университет», кандидат исторических наук (07.00.02 – Отечественная история), доцент

Д.Н. Маслюженко

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курганский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КГУ»), Министерство науки и высшего образования 640020, г. Курган, ул. Советская, 63,

ВЕРНО
Зав. канцелярией
Козлова М.А.
« 06 » 11 2019 г.

5.11.2019 г.